ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ.

1829—1868.

IV [1]).

Новые товарищи.—Жена антрепренера въ роли «Руффіаны».—Подвиги широкой натуры.—Актриса директорша.—Похищеніе.—Первая любовь.—Первые стихотворные опыты.

Дня черезъ три по пріѣздѣ моемъ въ Ярославль я дебютировала въ дивертисементѣ, пѣла русскую пѣсню «Вечеркомъ румяну зорю»; одѣли меня въ бархатный синій сарафанъ и повязку съ камешками. Когда я вышла на сцену, громкія рукоплесканія встрѣтили меня; я пропѣла мою пѣсенку, и меня заставили повторить ее; я пропѣла еще разъ, но публика требовала, чтобы я еще пропѣла. Я устала и хотѣла отдохнуть немного, но тутъ случился со мной смѣшной анекдотъ. Мой новый начальникъ любилъ иногда выпить. Вотъ тутъ-то онъ, будучи подъ-хмѣлькомъ и слыша, что публика очень волнуется и желаетъ, чтобы я еще пѣла, пришелъ въ неописанную радость, прибѣжалъ за кулисы и прямо ко мнѣ, схватилъ меня меня за руку и стремительно вывелъ на авансцену, сказавъ при всей публикѣ: «дѣвица Косицкая, пей!» Публика очень долго смѣялась надъ этимъ событіемъ и вызывала меня нѣсколько разъ.

Съ этого дебюта я стала любимицей публики въ Ярославлѣ. Тутъ-то я убѣдилась, что мое непослушаніе волѣ родительской было правымъ дѣломъ, и тутъ-то стала я кормить себя и матушку своимъ трудовымъ кускомъ и даже покоить ее по мѣрѣ воз-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 65—80; 281—304.

можности. Трудныя и черныя работы пошли въ чужія руки и мнѣ стало весело и радостно глядѣть на мою жизнь. Матушка, слыша мнѣ громкія похвалы, сама даже была въ театрѣ одинъ разъ, когда я играла Михаэлу въ «Дочери Карла Смѣлаго», и очень ей это представленіе понравилось; послѣ этого она все поглядывала на меня и улыбалась, но мнѣ ничего говорить не хотѣла. Да! полюбила меня ярославская публика, и тутъ начались ухаживанія, преслѣдованія, но я еще всетаки была ребенокъ, не понимала ничего, только смѣялась. Ухаживанія дѣлались серьезными и стало мнѣ не на шутку досадно. Занималась я дѣломъ своимъ на сценѣ серьезно, и никакому другому чувству не было мѣста во мнѣ. Дѣло шло очень хорошо, но тутъ какъ на грѣхъ влюбись въ меня одинъ купецъ, богатый, красивый собой, но женатый. Объ этой любви я не могу умолчать. Началъ онъ за мною ухаживать, ходить за кулисы, чтобы только видѣть меня, и каждый разъ бывало принесетъ что нибудь мнѣ, или фрукты, или конфекты. Я все брала и ѣла, стали надо мною шутить на его счетъ; я, бывало—плакать; шутить перестали, а онъ не на шутку сталъ ухаживать, а я, въ простотѣ сердечной, ношу къ себѣ домой конфекты. Мать замѣтила это и спросила гдѣ я беру ихъ; я говорю: «дарятъ!»—Кто?—«Такой-то господинъ». —«Ты у меня не смѣй брать конфекты, они (говоритъ) мошенники, такъ угостятъ, что и не опомнишься!» Въ первый же спектакль, я конфектъ не взяла отъ него, а онъ прислалъ цѣлый пудъ и велѣлъ раздѣлить всѣмъ барышнямъ поровну, и опять я была съ конфектами, и такъ онъ долго кормилъ насъ и сталъ мнѣ говорить, что онъ любитъ меня, а я бывало, засмѣюсь да и убѣгу отъ него. Матушка узнала, что онъ ухаживаетъ за мною, стала мнѣ говорить разныя непріятности; меня это очень обидѣло. Я стала удаляться отъ него, а онъ нарочно сталъ слѣдить за мною; гдѣ нибудь поймаетъ меня и непремѣнно скажетъ, что любитъ меня и зачѣмъ я такой ребенокъ; а я разсержусь, и прошу его, чтобъ онъ не говорилъ мнѣ этого, а то я его возненавижу; онъ смѣялся. И странно: этотъ человѣкъ рѣшительно зналъ каждый шагъ мой, и гдѣ и какъ бы я ни пошла, я его непремѣнно встрѣчу, и такъ какъ онъ зналъ, гдѣ я бываю, и потому я встрѣчала его у всѣхъ моихъ знакомыхъ. Директорша наша очень любила меня, я часто гащивала у ней, особенно въ от-

сутствіе ея мужа. Это обстоятельство, разумѣется, было извѣстно моему обожателю.

Одинъ разъ встрѣтилъ онъ меня у директора и сказалъ мнѣ опять, что онъ меня любитъ. Я очень обидѣлась и заплакала, но не сказала ему ни слова. Онъ сказалъ: «не сердитесь на меня, я не могу владѣть собою, а лучше пожалѣйте меня.» Я говорю ему: я не могу любить васъ, я боюсь васъ, я никого не могу любить. Послѣ этого онъ сталъ холоденъ со мною, и все, бывало, онъ смотритъ на меня своими большими глазами. Я стала покойнѣе, перестала бояться его и не понимала, чего тутъ именно я должна была бояться. И случилось со мной страшное событіе, которое показало мнѣ, что Господь любитъ и хранитъ меня.

Директоръ нашъ уѣхалъ куда-то на недѣлю; это было не задолго до Рождества. Я, разумѣется, была приглашена директоршей гостить къ ней, на это время; я охотно всегда исполняла такую честь и отправилась къ ней гостить. Ночью, ложась спать, она мнѣ много говорила хорошаго о моемъ обожателѣ; я сказала, что онъ мнѣ не нравится, и уснула преспокойно; и вижу сонъ, будто гуляю я въ прекрасномъ саду и такъ въ немъ много прекрасныхъ цвѣтовъ и фруктовъ. Стала мучить меня жажда, я хочу сорвать какой нибудь фруктъ, и только протяну руку къ которому нибудь и на немъ сдѣлается лицо моего обожателя, и стало мнѣ такъ страшно, такъ страшно, я бросилась бѣжать, бѣгу, бѣгу, прямо къ рѣкѣ, и на мостъ; добѣжала до половины моста и вдругъ ангелъ остановилъ меня и исчезъ; я взглянула подъ ноги, и предо мной нѣтъ моста, а однѣ только перекладины, и то изъ ножей, а внизу вода, и если я сдѣлаю еще шагъ, то упаду на ножи прямо. За мостомъ вижу ту самую комнату, въ которой я сплю, и въ ней сидятъ много гостей, мой преслѣдователь и директорша: ѣдятъ, пьютъ и зовутъ меня къ себѣ, я не могу съ мѣста двинуться; мой обожатель подаетъ мнѣ стаканъ вина; только я взяла его, и весь мостъ около меня провалился, и я осталась на одной дощечкѣ. Я бросила стаканъ и сама полетѣла на берегъ и опять ангелъ явился мнѣ и я проснулась; такой страхъ обуялъ меня, что дрожала какъ въ лихорадкѣ; осмотрѣлась кругомъ, и заснула опять, но очень измученная моимъ сномъ.

Проснувшись я никому не говорила о моемъ видѣніи; но за-

помнила его. Утромъ была репетиція, спектакля въ этотъ вечеръ у насъ не было.

Вечеромъ къ директоршѣ пріѣхали гости, разумѣется, и мой злодѣй былъ тутъ; они стали веселиться, пили и ѣли; я сидѣла въ спальнѣ и не хотѣла выходить къ гостямъ, но директорша меня просила выдти, и я исполнила ея просьбу; это было всѣмъ очень пріятно; я посидѣла немного и опять ушла. Наконецъ они всѣ пришли ко мнѣ и просили, чтобъ я побесѣдовала съ ними, и мой обожатель подалъ мнѣ стаканъ вина и просилъ, чтобъ я его выпила. Когда я взяла стаканъ, комната вся и положеніе лицъ стали такъ схожи съ моимъ сномъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло; я попробовала вино и оно мнѣ не понравилось, сѣрой пахнетъ; я немного отпила, и улучила случай вылить это вино въ кружку съ квасомъ. Меня просили выпить еще, но я отказалась, сказавъ, что голова болитъ. Немного погодя, намъ предложили ѣхать кататься на тройкахъ. Когда мнѣ предложили это, сердце у меня замерло и я окончательно не знала, что̀ мнѣ дѣлать. Вспомнила сонъ свой и схитрила: согласилась ѣхать, но просила чтобъ меня проводили къ матушкѣ взять большіе теплые сапоги, и сказала, что я сейчасъ вернусь, накинула платокъ и шубку да и тягу. Мнѣ дали человѣка проводить меня; иду я черезъ площадь— точно меня кто хватаетъ сзади, я чуть не бѣгомъ! Человѣкъ говоритъ мнѣ: «вотъ молодой-то народъ, погулять хочется.»

Вошла въ комнату, матушка сидѣла читала; я взяла у ней десять копѣекъ, вынесла человѣку и говорю: «матушка не пускаетъ, она нездорова и хотѣла сейчасъ посылать за мной; кланяйся, молъ, и благодари!» Тутъ только я свободно вздохнула! Матушка спросила, что̀ это значитъ, что я ушла оттуда? Голова (говорю) болитъ, а тамъ гостей много. То-то (говоритъ) на тебѣ лица нѣтъ, лягъ да усни,—и приласкала она меня, голубушка моя, сѣла ко мнѣ, погладила мою голову, поцѣловала меня, а мнѣ стало такъ грустно, такъ тяжело! И покататься-то хотѣлось очень, и стало мнѣ жаль этого человѣка. Думаю: должно быть эта любовь очень тяжелое чувство, потому что онъ такъ похудѣлъ, такой сталъ печальный, и вспомнила я, какъ полюбила театръ, какъ похудѣла тогда и чуть-чуть было не умерла! Пожалуй и онъ умретъ! и такъ мнѣ стало жаль его; слезы, слезы такъ и потекли на подушку.

Утромъ была репетиція, а вечеромъ спектакль, я играла. Одѣвалась я вмѣстѣ съ Ленской въ одной уборной; я была уже одѣта, онъ вошелъ ко мнѣ, Ленской тутъ не было; онъ взялъ меня за руку.

— Вы,—говоритъ,—очень хорошо понимаете, что все, что я дѣлаю, это все для васъ, для однѣхъ васъ; поймите также и то, что нѣтъ силы на свѣтѣ, которая отняла бы васъ у меня, гдѣ бы вы ни были; у меня безъ васъ нѣтъ жизни, вы всю разбили ее, прощайте!

Долго я не видала его послѣ этого разговора, недѣли двѣ; говорили, что онъ уѣхалъ въ Москву.

Передъ Рождествомъ, кто-то неизвѣстный прислалъ мнѣ подарокъ, лисій салопъ и бѣлую шляпку; обѣ эти вещи были очень хорошенькія. Матушка не велѣла мнѣ надѣвать ихъ, и даже хотѣла отослать обратно, да не знала кому и куда. Я, разумѣется, не смѣла надѣть этихъ вещей, хотя мнѣ и очень хотѣлось. Салопчикъ мой былъ очень плохенькій, заячій съ лисьими полами.

Прошло Рождество, прошли и святки; мой обожатель появился опять, но видѣла я его очень рѣдко, и онъ дѣйствительно измѣнился въ отношеніи ко мнѣ, сталъ сухо обращаться со мною. Я была покойна и думала, что онъ оставилъ меня, но не тутъ-то было!

Я уже говорила, что мы стояли въ гостинницѣ, при постояломъ дворѣ; сосѣдній номеръ съ нами былъ занятъ, а нашъ былъ угловой. Сосѣда нашего я никогда не видала, пріѣзжалъ онъ поздно, иногда и совсѣмъ не пріѣзжалъ. Дверь въ этотъ номеръ отъ насъ была заколочена на-глухо. Матушка моя, какъ женщина стараго покроя, любила Богу молиться, и часто, уходя къ утрени въ церковь, запирала меня кругомъ. По обыкновенію, въ какой-то праздникъ пошла въ церковь и заперла меня. Я сплю, не чую надъ собой бѣды, но какъ бы я сладко ни спала, ухо мое, всегда чуткое, услышитъ какъ мышь пробѣжитъ по комнатѣ. Только что ушла матушка, слышу—что-то шевельнулось у насъ въ комнатѣ. Я проснулась, оглядѣла кругомъ, вижу ничего нѣтъ, сотворила молитву, и опять забылась; но слухъ мой меня не обманулъ, я почуяла чье-то дыханіе подлѣ себя, открыла глаза и—Боже, что̀ со мною было! Какъ передать тотъ ужасъ, ужасъ дѣвочки, для которой лучше было умереть, чѣмъ лишиться

добраго имени: этотъ человѣкъ стоялъ передо мною, блѣдный какъ смерть, съ лицомъ, полнымъ страданія и ожесточенія противъ непреклонной дѣвчонки. Я хотѣла закричать, онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою.

— Хоть кричи, хоть не кричи, никто не услышитъ! весь домъ пустъ!

Я дрожала какъ листъ отъ вѣтра! Что̀ я думала въ этотъ ужасный часъ, я не помню; встала на колѣни и просила не губить меня. Я говорила, что «я полюблю васъ, только теперь оставьте меня»... но все было напрасно! Онъ сжалъ меня въ рукахъ своихъ, борьба была невозможна, и въ это время опять чудо совершилось со мною: въ корридорѣ послышались чьи-то шаги, и такъ сильно ступавшіе, какъ будто шло нѣсколько человѣкъ; онъ выскочилъ изъ комнаты. Я забыла все, прямо въ кухню, и вмѣстѣ съ рамой вылетѣла въ корридоръ и подъ лѣстницу. Услыхала, что матушка идетъ. Я позвала ее къ себѣ и она вытащила меня изъ моего убѣжища. На утро все узналось, дверь была отперта изъ сосѣдняго номера, гвозди всѣ вытасканы и двери были свободны и въ это время не было ни единой души во всемъ домѣ.

Въ этотъ же день матушка жаловалась начальнику губерніи, и злодѣя моего обязали подпиской не преслѣдовать меня больше; но и тутъ я не ушла отъ него, видѣла каждый день! Опротивѣлъ онъ мнѣ до безобразія, и жалѣла я о немъ, а онъ еще теплѣе сталъ смотрѣть на меня. Потомъ онъ уѣхалъ изъ Ярославля на время, чтобы скандалъ этотъ, о которомъ всѣ узнали, затихъ хоть немного. Тутъ я стала свободна и ходила куда хотѣла, ничего не опасаясь. Дѣла мои по театру шли успѣшно.

На масляницѣ, Ленская дѣлала праздникъ, куда и я была приглашена послѣ спектакля. Кончила я спектакль, одѣлась, взяла сторожа и пошла къ Ленской; иду ничего не думая, кромѣ какъ объ удовольствіи, которое ждетъ меня, вдругъ снѣгъ за мною захрустѣлъ подъ иной поступью; я оглянулась, за мною шелъ не сторожъ; я ускорила шаги и только завернула за уголъ, чувствую кто-то схватилъ меня, я не успѣла крикнуть какъ была на чьихъ-то рукахъ, и эти руки такъ крѣпко держали меня, что только сердце мое билось свободно. Я увидала, что я въ рукахъ опять этого человѣка, и память мнѣ измѣнила!... Очну-

лась я въ какой-то бѣдной комнатѣ, свѣтъ былъ только отъ лампады; слышу кто-то плачетъ подлѣ меня, но не слезами разбойника, и такъ горячо цѣлуетъ руки мои, а слезы такъ и капаютъ.

— Не бойся меня, я ничего худаго не хочу тебѣ сдѣлать, я такъ люблю тебя!

Послѣ такихъ словъ камень спалъ у меня съ сердца: слова эти были сказаны человѣкомъ, глубоко любившимъ меня; я не видѣла больше въ этомъ человѣкѣ врага своего, но видѣла безконечную любовь и, что странно, я сама полюбила его—да! только тутъ онъ явился передо-мною человѣкомъ, а не звѣремъ! Я поглядѣла на него, я была совсѣмъ обезсилена.

— Зачѣмъ,—говорю,—вы привезли меня сюда?

— Везъ-то я тебя, чтобы ты полюбила меня, а теперь вижу, что ты не можешь и не хочешь любить меня, а насильно я ничего не хочу; я теперь нагляжусь на тебя досыта, да и отвезу назадъ! Богъ съ тобой, не любишь, такъ и не надо!

Такъ мнѣ стало жаль его, я хотѣла сказать, что не люблю его, да и сказала другое. Какъ прошелъ еще часъ времени или пролетѣлъ, писать объ этомъ трудно. Помню только то, что я рыдала какъ рыдаютъ дѣти, когда разобьютъ свою любимую игрушку. Поглядѣли еще другъ на друга, обнялъ онъ меня и поцѣловалъ, крѣпко, крѣпко, и отвезъ къ Ленской. Было два часа ночи, у ней шелъ пиръ горой.

Такъ тѣмъ и покончилась моя любовь къ этому человѣку.

На первой недѣлѣ поста онъ уѣхалъ въ Сибирь, отецъ его послалъ туда по дѣламъ. Не разцвѣло мое первое, любовью бившееся чувство—да, такъ и завяло. Матушка часто говорила: «бойся мужчинъ, они змѣи искусители»—я и боялась ихъ покуда молчало мое сердце, а заговорило оно и страхъ прошелъ! А потомъ стало еще страшнѣе; я и забыла прошедшее, а можетъ быть, и не поняла его всю важность, и всетаки оставалась чистою для всего что̀ окружало меня.

Послѣ поста къ намъ пріѣхалъ Павелъ Васильевичъ Самойловъ; я играла съ нимъ въ «Велизаріи» и пѣла романсъ «Малютка, шлемъ нося, просилъ». Самойловъ былъ славный драматическій актеръ, онъ тутъ игралъ много и я очень любовалась его игрой. Я таки долго тужила о случившемся со мной, но чего нельзя

воротить, о томъ нечего и тужить, но сердце мое просило, жаждало любви.

Играла я часто и очень счастливо; репертуаръ мой большею частью заключался изъ водевилей, публика меня очень любила и ласкала; въ бенефисъ Ленской я играла Агату въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ», а она Анету. Спектакль этотъ надѣлалъ много шуму. Въ заключеніе мы обѣ танцовали матлотъ. Я какъ вспомню теперь, отъ смѣха удержаться не могу, потѣха да и только: я танцовала матлотъ, не имѣя понятія что̀ такое значитъ танцовать, и въ короткомъ казацкомъ платьѣ: бѣлая кисейная юбка, сверху красный шерстяной камзолъ, опушенный ватой вмѣсто лебяжьяго пуха, на головѣ красная шапочка съ углами, тоже съ ватой. Мы танцовали, да еще какъ хорошо, заставляли повторять; театръ ярославскій былъ очень богатъ костюмами; въ немъ водились и бархатъ и шитые золотомъ наряды. Желаніе сильныхъ ощущеній и сильныя тревоги здѣсь, въ Ярославлѣ, развили окончательно мои поэтическія наклонности; они открылись съ весною вмѣстѣ. Постомъ мы ничего не дѣлали, и лѣтомъ шли спектакли очень рѣдко, и вотъ настало время, когда душа моя стала просить чего-то еще, какой-то нѣги, какого-то теплаго чувства необыкновеннаго. Я видѣла, что все вокругъ меня любитъ, все живетъ непонятною для меня жизнію, но я не могла еще найти для себя ни одного человѣка, на комъ бы остановилось мое вниманіе. Хотя ухаживателей было много, но сердце мое молчало, и я обратила мою душу на поэзію. У меня уцѣлѣли нѣкоторыя изъ моихъ первыхъ стихотвореній. Надо сказать откровенно, что я писала тогда печатными буквами, и чтобы посмѣшить читающихъ мои замѣтки, я помѣщу здѣсь вѣрный снимокъ моихъ первыхъ стихотворныхъ опытовъ:

Какъ все вокругъ меня живетъ и веселится,
Лишь я одна для всѣхъ чужда;
Съ тоской души моей здѣсь врядъ-ли что сравнится
И сокрушитъ она меня!
Зачѣмъ же я смотрю на все спокойными глазами?
И грусть мою лунѣ передаю,
Она бѣжитъ, а я зальюсь слезами
И съ жизнью опять я примирюсь.

Понравилась мнѣ моя поэзія, что стала частенько къ ней прибѣгать, и пишу, бывало, и плачу; тогда это было очень чувствительно—и Боже мой! какъ теперь смѣшно все это!

V.

Купчикъ съ разбойничьими замашками.—Новая любовь.—Москва.—Испытаніе.—А. Н. Верстовскій.—Поступленіе въ Московское театральное училище.

Театральныя мои занятія шли своимъ чередомъ. Къ намъ лѣтомъ, изъ Москвы, пріѣхалъ молодой актеръ Петръ Степановичъ С—въ. Онъ пріѣхалъ къ намъ для практики въ драматическомъ дѣлѣ. Теперь онъ въ Петербургѣ. Молодой, прекрасный собою, очень онъ мнѣ понравился. Не знаю какъ случилось, но мы очень скоро стали другъ на друга поглядывать! Сначала было какъ-то неловко намъ обоимъ, а потомъ познакомились: увидитъ, бывало, и бѣжитъ ко мнѣ, все со мною съ одною и говоритъ и шутитъ. Сталъ онъ провожать меня до дому; сталъ бывать у насъ часто, я очень привыкла къ нему и привязалась не на шутку; матушка угадала это все и начала слѣдить за мною, запретила мнѣ быть съ нимъ короткой, я должна была послушать. Я стала удаляться отъ него, но это было очень трудно и почти невозможно, какъ для меня, такъ и для него; онъ сталъ грустить, да и мнѣ стало невесело! Одинъ разъ онъ пришелъ къ намъ, и сталъ просить матушку, чтобъ она не запрещала намъ видать другъ друга. «Я (говоритъ) женюсь на Любови Павловнѣ, какъ только ей годы выйдутъ.» Такъ мы порѣшили, что я его невѣста, и стали мы любить другъ друга открыто, какъ братъ и сестра, и какая это была любовь, тихая, спокойная, отрадная. Я очень привязалась къ нему душою и сердцемъ! Тутъ стали мы собираться въ Рыбинскъ на ярмарку, со всѣмъ театромъ.

Въ Рыбинскѣ былъ со мною опять престранный и очень непріятный случай. Надо сказать, что на всѣ ярмарки собираются больше купеческіе сынки, прикащики; въ Рыбинскъ на ярмарку пріѣхалъ такой молодецъ, говорившій, что для него ничего нѣтъ невозможнаго, «что хочу, то и дѣлаю». Началъ онъ меня преслѣдовать, просто бывало проходу не даетъ, куда ни пойду, онъ уже тамъ; бѣда да и только! С—въ сталъ ревновать меня; купецъ предлагалъ мнѣ большія деньги за любовь мою, чѣмъ мнѣ до того опротивѣлъ, что я видѣть его не могла и рѣшилась сказать ему, что я честная дѣвушка, и себя продавать не намѣрена ни

за какія сокровища! Онъ отвѣчалъ: «что̀ за честь у актрисы!» Меня такъ поразили эти слова, что я горько заплакала, и рѣшила, какъ только представится возможность, я уѣду изъ провинціи въ Москву. Купчикъ понялъ, что оскорбилъ меня и на другой же день, пріѣхавъ къ намъ, просилъ у матушки руки моей, говоря, что онъ готовъ жениться на мнѣ, лишь только бы загладить вину свою. Матушка сказала, что я уже невѣста другаго, а я сказала, что я не могу быть его женою, и что жениха моего ни на кого не промѣняю. Онъ уѣхалъ отъ насъ очень грустный, и съ того же вечера сталъ дѣлать намъ непріятности, и поклялся, что если онъ увидитъ меня когда нибудь вмѣстѣ съ С—вымъ, то онъ убьетъ меня, или его. Всѣ смѣялись надъ этимъ, но смѣхъ кончился очень нехорошо. Мы стали осторожнѣе; С—въ пересталъ провожать меня, а купчикъ нанялъ квартиру въ кофейной противъ самаго театра.

Ярмарка кончилась; одинъ разъ купчикъ приходитъ ко мнѣ во время спектакля за кулисы; я играла «Двумужницу»; подошелъ онъ ко мнѣ да и говоритъ:

— «Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ этого, не достанься ты, моя ласточка, ни мнѣ, ни злодѣю моему, прощайте!» И ушелъ.

Я кончила мою роль, переодѣлась, пошла домой одна, покрылась платочкомъ, чтобъ онъ не узналъ меня. Ночь была свѣтлая, теплая, чудная. Иду по набережной и гляжу въ воду; такъ мнѣ было хорошо, играла я съ успѣхомъ и душой моей благодарила Бога за его милосердіе. Народу на набережной всегда много, я и не боялась и шла покойно; только я поровнялась съ кофейной,—она отъ набережной была отдѣлена широкой улицей,—вдругъ раздался выстрѣлъ и что-то такъ близко свистнуло отъ моего лба что меня назадъ отшибло, и булькнуло въ воду. Ноги у меня подкосились, я упала, но успѣла закричать. Народу сбѣжалось много, тутъ и полиція нашлась; мнѣ сдѣлалось дурно. Добрые люди меня подняли и проводили домой.

Что̀ было съ матерью—передать трудно; она захворала, и тутъ же рѣшила оставить меня одну, на произволъ судьбы. Этого купца взяли подъ арестъ, но онъ откупился, должно быть, и скоро уѣхалъ изъ Рыбинска.

Въ ту же ярмарку мнѣ дали бенефисъ, и я взяла шестьсотъ рублей; дали мнѣ піесу «Дочь Карла Смѣлаго», я играла Ми-

каэлу [1]); хороша я была Микаэла, бывъ пятнадцати-лѣтней дѣвчонкой!

Получивъ эти шестьсотъ рублей, я чуть-чуть съ ума не сошла—думала, думала куда мнѣ ихъ дѣть, да и придумала ѣхать въ Москву, поискать тамъ счастья. Надо сказать, что мнѣ жизнь провинціальнаго актерства очень не нравилась, было мнѣ всегда грустно и за себя и за другихъ: какъ-то всѣ играютъ и ходятъ какъ будто въ гостяхъ, а не дома. Сказала матушкѣ, она махнула на меня рукой. «Богъ съ тобою», говоритъ, «поѣзжай куда хочешь, а меня ужъ ты отправь въ Нижній, мнѣ ужъ и такъ надоѣло таскаться съ тобою по бѣлу свѣту!»

Меня и это не удержало; я матушкѣ дала сто рублей, наняла ей лодку до Нижняго за 20 руб., и отправилась моя матушка домой съ большой непріятностью. С—въ тоже собирался послѣ ярмарки въ Москву, но тутъ онъ немного убавилъ своего пребыванія въ Рыбинскѣ и непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною. Вотъ мы съ нимъ снарядились, наняли тарантасъ, да еще тройкой, на половинныхъ издержкахъ.

На пути заѣхали мы къ Троицѣ-Сергію, поклониться угоднику Божію; и что странно, я ничего рѣшительно не помню какъ я была у Троицы и какъ молилась; мысль о Москвѣ отбила у меня всю память и всѣ желанія; такими радужными красками мнѣ представлялась Москва, я воображала въ ней найти и счастіе и радости и сдѣлаться женою П. С. С—ва. Ну, однимъ словомъ—все одни блаженства, а объ настоящей-то жизни, которая ожидала меня, у меня и мысли не было.

Вотъ и Москва; мы пріѣхали къ Мясницкимъ воротамъ, остановились у гостинницы; С—въ пошелъ узнать есть ли номеръ. Номеръ оказался и меня повели на самый верхній этажъ въ угольную комнату, одно окно на бульваръ, другое на улицу. Втащили сундукъ и постель, состоящую изъ маленькой перинки и двухъ подушекъ. С—въ простился со мною и ушелъ къ своимъ; у него было тогда очень большое семейство, отецъ его служилъ въ почтовомъ отдѣленіи дилижансовъ и транспортовъ. «Я,

---

[1]) Драма В. Р. Зотова. Роль Микаэлы (дурочки) главная; на петербургской сценѣ ее играла В. В. Самойлова.

говоритъ, спрошу мамашу, можетъ быть, тебѣ можно помѣститься у насъ.»

Я совершенно предалась тяжкой и безотчетной грусти, хотя и посѣщали меня свѣтлыя надежды, что я могу воротиться опять къ Алексѣеву: онъ мнѣ передъ отъѣздомъ обѣщалъ дать жалованья вдвое противъ того, что я получала; я знала, что онъ сдержитъ свое слово, но это не утѣшало меня; такъ Москва напугала меня своей величиной, и своимъ великолѣпіемъ, что я совсѣмъ упала духомъ. Подошла я къ окну, посмотрѣла на Москву, подошла и къ другому, тоже посмотрѣла и нѣтъ ей ни конца, ни края и представились мнѣ двѣ картины: одна недавно прошедшая, другая—настоящая. Прошедшая: какъ я уѣжала изъ Рыбинска, какъ я прощалась съ моими друзьями, какъ директоръ предложилъ мнѣ сто рублей жалованья и два полубенефиса, какъ неудержимо была полна какимъ-то восторгомъ, и какъ меня просили остаться; но уже что задумала моя головушка—ничѣмъ ее съ этой точки не своротишь, такъ и до сихъ поръ! И стало мнѣ жаль всего этого! Рядомъ съ этой другая картина: одна въ Москвѣ, куда пойти и къ кому? выйдутъ деньги, нищая съ рукою пойдешь! И стало мнѣ страшно. Взяла свой кошелекъ и сейчасъ отложила шестьдесятъ рублей на обратную дорогу, и успокоилась.

Въ 9 часовъ пришелъ С—въ и сказалъ: «теперь къ намъ нельзя переѣхать, покуда поживи здѣсь.»

Я и живу, С—въ навѣщаетъ меня каждый день, о театрѣ ни слова, а если и заговоримъ, онъ скажетъ мнѣ: «подождать надо.» Самыя честныя отношенія продолжались между мною и этимъ человѣкомъ и до сихъ поръ и во вѣки моя глубокая благодарность и признательность моему другу и названному брату П. С. С—ву, за его чистую любовь ко мнѣ; онъ хотѣлъ многое сдѣлать для меня, но родители его не такъ повернули это дѣло; да и нельзя было иначе: бѣдная, безъ всякаго образованія дѣвушка, куда она годится, развѣ только прислуживать образованнымъ людямъ! Живу я тутъ въ гостинницѣ недѣлю, подали мнѣ счетъ; ну, ничего—думаю: можно еще прожить недѣлю,—поживу, а тамъ что Богъ дастъ. Купила я себѣ шляпку, двѣ пары башмаковъ, перчатки, да на извощиковъ проѣздила смотрѣвши Москву. Живу еще недѣлю въ гостинницѣ, и время идетъ, а деньги, деньги такъ и льются! С—въ все твердитъ: «подожди да подожди!» Вижу, ждать

больше нельзя: денегъ остается немного—пожалуй, и назадъ не уѣдешь! Такъ и случилось: прожила половину третьей недѣли и не могла уже выѣхать изъ Москвы. Я стала говорить С—ву, просить его совѣта какъ мнѣ поступить. Онъ сказалъ, что вечеромъ скажетъ. Вечера я жду, не дождусь. Наконецъ онъ пришелъ и объявилъ, что я могу къ нимъ переѣхать, что мамаша его позволила. На другой день я переѣхала къ С—вымъ; у нихъ была казенная квартира, очень небольшая и довольно грязная, дѣтей множество: четыре дѣвочки одна меньше другой, да ребенокъ въ люлькѣ. Я кинулась къ госпожѣ С—вой и поцѣловала у ней руку какъ у матери; она подала мнѣ ее съ какимъ-то презрѣніемъ, тѣмъ и кончилось. У нихъ не было горничной, я замѣнила ея мѣсто вполнѣ, и спала на сундукѣ въ передней. Легко ли все это было мнѣ, написать трудно.

Вечеркомъ я украдкой вошла въ комнатку къ С—ву и говорю ему: что̀ же мнѣ дѣлать? залилась горькими слезами. «Ты (говорю) не оставь меня, вѣдь я погибну».—«Ну (говоритъ), теперь нечего дѣлать, надо подождать, теперь постъ, не играютъ.» Это былъ Успенскій постъ. Дѣлать нечего, скрѣпила свои силы, живу служанкой у С—выхъ и полы мою и всякую домашнюю работу исправляю. Прошелъ постъ, открылся театръ; даютъ «Аскольдову могилу». Семейство С—выхъ стало собираться въ театръ; С—въ мнѣ далъ билетъ и вечеромъ мы поѣхали. Такъ была я угнетена и убита духомъ, что я не помню и не знаю, гдѣ я была и, увидѣвши этотъ театръ, еще болѣе уничтожилась. «Куда мнѣ, думаю, такой дряни, лѣзть такъ высоко! Поютъ такъ хорошо и играютъ», да и рѣшила тутъ же идти въ хоръ на московскую сцену: меня примутъ, голосъ у меня есть, но какъ и что дѣлать—не знаю и не вѣдаю.

Пріѣхала домой и такъ стало мнѣ тяжко, горю вся и зябну, ничего не могла дѣлать, даже плакать не могла. Утромъ ободрилась немного и прошу С—ва достать мнѣ адресъ начальника театра. Онъ мнѣ досталъ; инспекторъ репертуара былъ тогда Алексѣй Николаевичъ Верстовскій.

На другой день я поѣхала его отыскивать. Домъ нашла, но онъ еще не пріѣхалъ съ дачи, чрезъ недѣлю будетъ; жду недѣлю; недѣля прошла, со мною все лихорадочное состояніе. Ѣду опять къ Верстовскому, говорятъ—пріѣхалъ и въ театрѣ. Я—въ

театръ, спрашиваю сторожа у большаго подъѣзда; «только сейчасъ, говоритъ, уѣхалъ.» Я только молитву сотворила и опять поѣхала домой; на другой день ѣду опять въ театръ, опять къ сторожу, спрашиваю; «нѣтъ, говоритъ, не пріѣзжалъ;» я попросила у него позволенія посидѣть на приступочкѣ подлѣ двери,—я его подожду не много—да и залилась слезами и вслухъ проговорила: «Господи, пошли Ты мнѣ силу и терпѣніе»... тутъ и мать вспомнила. Старикъ спросилъ меня: что ты, матушка, такая молодая, а плачешь? Я и говорю: отъ горя! тѣмъ и кончился разговоръ. Потомъ онъ сказалъ, что Верстовскій не будетъ, а завтра въ 11 часовъ онъ пріѣдетъ. Вотъ жду завтра, совсѣмъ почти больная. С—въ увидитъ меня и скажетъ: «ничего ты не добьешься!» Утомилась я душой. Едва смогла подать ужинъ, потомъ свалилась спать и уснула крѣпко. Помню еще одинъ сонъ, который я видѣла въ эту ночь, и разсказомъ о немъ закончу вторую эпоху моей жизни. Вотъ этотъ чудный сонъ. Иду я по темной широкой улицѣ, вездѣ камень острый, ногамъ больно; иду я долго и стала уставать, сдѣлалось мнѣ очень тошно, вдругъ вижу я стѣну; стѣна эта такъ высока, что едва можно видѣть край ея, и изъ-за этой стѣны видѣнъ свѣтъ какъ радуга, и отъ земли на самую стѣну идетъ лѣстница крутая и много народу хочетъ войти по этой лѣстницѣ на стѣну, и кто войдетъ только до половины—свалится, кто менѣе — тоже самое; остановилась я и думаю, не пойти ли и мнѣ, и стало мнѣ страшно; я подошла къ лѣстницѣ, взялась за нее одною рукою и хочу лѣзть; мнѣ всѣ кричатъ: куда ты? куда? гдѣ тебѣ, вишь на тебѣ платьишко какое скверное! я поглядѣла на платье и дѣйствительно платьишко скверное, я взяла и сняла съ себя платье и полѣзла на лѣстницу въ одной сорочкѣ; лѣзла, лѣзла, сердце такъ бьется, такъ высоко, но вотъ еще двѣ ступеньки и я на стѣнѣ—собираю послѣднія силы, дѣлаю два шага и я на стѣнѣ! Гляжу внизъ и такой тамъ свѣтъ, такъ стало мнѣ тепло, и какой-то сѣденькій старичокъ далъ мнѣ воды напиться и говоритъ: «ступай вотъ туда», и указалъ мнѣ на широкую дорогу; «дорога славная, чистая, да терновнику много на ней.» Но я пошла по этой дорогѣ и—иду понынѣ. Утромъ я встала рано и все убрала какъ слѣдуетъ и отправилась въ театръ. Спрашиваю: пріѣхалъ Верстовскій? «Пріѣхалъ, говоритъ, поди, матушка, я тебя корридоромъ-то провожу.» И довелъ меня до са-

мой лѣстницы, которая вела на сцену; вотъ, говоритъ, на эту лѣсенку-то войди, а тамъ скажутъ. Я ему чуть въ ноги не поклонилась, отъ благодарности. Влѣзла по лѣсенкѣ на сцену, ноги и руки трясутся, спрашиваю у другаго сторожа, гдѣ пройти къ Верстовскому? Вотъ по лѣстницѣ, указалъ мнѣ еще лѣстницу, я дошла до половины, вдругъ растворилась дверь и Бантышевъ вышелъ изъ нея. Онъ видѣлъ меня въ Нижнемъ. Посмотрѣлъ онъ на меня да и говоритъ:

— Ты зачѣмъ и куда?

— Я, говорю, къ Алексѣю Николаевичу Верстовскому. — Матушки мои! вотъ какъ; да зачѣмъ же тебѣ его?

— Я говорю, хочу въ актрисы здѣсь поступить.

Бантышевъ засмѣялся и говоритъ: ахъ ты, пиголица, ну пойдемъ я тебя покажу ему! и привелъ меня къ Верстовскому. «Вотъ, говоритъ, въ актрисы поступить хочетъ.»

Верстовскій засмѣялся, и дѣйствительно я была очень смѣшна: на мнѣ было крепрашелевое платье, тѣневый платокъ и соломенная шляпка съ красными цвѣтами. Ну, говоритъ, что же ты, откуда? Я разсказала ему. Что̀ ты играла? Я разсказала. А пѣть умѣешь? Я говорю: умѣю. Что̀ же ты поешь? Я говорю: «Аскольдову могилу». Онъ такъ руками и всплеснулъ! Бантышева даже передернуло. Опять оба засмѣялись.

Верстовскій взялъ меня за руку, а я какъ въ лихорадкѣ. Ему, знать, стало жаль меня, онъ такъ ласково сказалъ: «полно, душа моя, не бойся, вотъ я послушаю какъ ты поешь, не бойся и смѣлѣе. Ну, что̀ же ты поешь?» У меня слезы навернулись на глазахъ. Онъ самъ сѣлъ акомпанировать, сыгралъ ритурнель и спросилъ меня, изъ чего это? Я говорю: изъ «Аскольдовой могилы» первая арія Надежды. «Ну и пой ее!» Я начала пѣть, голосъ дрожалъ у меня. Я пропѣла одинъ разъ, онъ заставилъ повторить ее; потомъ, не говоря ни слова, одѣлся.

— Пойдемъ,—говоритъ,—со мною.

Господи, думаю, куда онъ меня повезетъ, ужъ не разсердился ли онъ на меня? Посадилъ меня съ собою въ колясочку и привезъ прямо въ школу къ Александру Михайловичу Гедеонову, онъ тогда былъ въ Москвѣ. Я опять пѣла то же самое. Гедеоновъ сказалъ, что допуститъ меня ходить учиться. Доброта лица этого человѣка точно бальзамомъ облила мою больную душу.

Я рѣшилась ему все сказать, да и сказала только: «я не имѣю пристанища, мнѣ ѣсть нечего,» а сама заплакала. Онъ взялъ меня за голову и поцѣловалъ. «Сколько тебѣ лѣтъ?»

Я говорю: только пятнадцать минуло вчера.

— Ну вотъ тебѣ на имянины подарокъ: ты остаешься здѣсь, но съ условіемъ не лѣниться и учиться хорошо.

Я дала ему слово, а сама плачу. Онъ говоритъ:

— Не плачь, о чемъ же ты плачешь?

— Отъ радости!

И дѣйствительно, горькая слеза, навернувшаяся за четверть часа, смѣнилась радостными слезами. Я поцѣловала руку у Гедеонова, онъ велѣлъ послать за всѣмъ, что у меня было, къ С—ву, а я такъ тутъ и осталась въ школѣ Московскихъ Императорскихъ театровъ, казенной воспитанницей; здѣсь уже (съ 1844-го года) начинается третій періодъ моей жизни и послѣдній, до настоящей минуты.

Любовь Косицкая.

Примѣчаніе. Здѣсь прерываются Записки знаменитой Московской артистки Л. П. Никулиной-Косицкой; продолженіе ихъ, и довольно значительное, было написано и переписано, но вырвано изъ общей тетради, на что указываютъ слѣды обрыва и о чемъ свидѣтельствуетъ зять покойной артистки, А. Н. Матвѣевъ.

«Записки моей тещи,—сообщаетъ намъ А. Н. Матвѣевъ,—были написаны на отдѣльныхъ листкахъ и весьма неразборчиво. Переписка ихъ произведена подъ наблюденіемъ моей покойной жены, дочери Л. П. Никулиной-Косицкой. Послѣдняя часть Записокъ была написана также на лоскуткахъ и далеко не кончена — она погибла: ее употребили на завертку различныхъ вещей послѣ смерти Любови Павловны, по распоряженію матери ея мужа; произошло это въ суматохѣ и безъ вѣдома жены, вѣроятно, по незнанію, что это Записки.—Цѣль печатанія Записокъ—исполнить желаніе покойной моей жены Вѣры Ивановны, дочери Л. П. Никулиной-Косицкой.

«Вотъ нѣсколько фактовъ изъ жизни Л. П. По выходѣ изъ Театральной школы Л. П. Косицкая, въ 1851 году, вышла замужъ за артиста москов. импер. театровъ, драматической труппы, Ивана Михайловича Никулина. Отъ этого брака въ 1852 году родилась дочь Вѣра. Въ концѣ 1850-хъ годовъ Л. П. овдовѣла. Выйдя замужъ, Косицкая пользовалась хорошими матеріальными средствами, такъ какъ мужъ ея будучи крестникомъ и воспитанникомъ князя Грузинскаго, получалъ отъ него хорошія средства; потому жили они открыто. Кружокъ, собиравшійся у нихъ, по преимуществу составляли артисты, какъ московскихъ театровъ, такъ и провинціальныхъ. Въ это же время Л. П. ѣздила въ Одессу, Нижній и другіе города, гдѣ была встрѣчаема съ восторгомъ и награждаема подарками. 15-го декабря 1867 года былъ послѣдній ея бенефисъ, на который она явилась совершенно больная. Были поставлены слѣдующія піесы: «Обозъ», «Въ Москвѣ и Нижнемъ» и «Воробушки». Не смотря на безцвѣтность содержанія этихъ піесъ и на всѣ интриги, не только закулисныя, но даже и дирекціи, бенефисъ былъ блистательный и публика съ восторгомъ встрѣтила любимую артистку. Аплодисменты продолжались не прерывно около получасу и въ это время бенефиціанткѣ былъ поднесенъ подарокъ, съ надписью: «Л. П. Никулиной-Косицкой — отъ почитателей ея таланта и любителей драматическаго искусства. Въ честь 20 ти лѣтняго служенія русскому театру».

Л. П. скончалась въ Москвѣ 5-го сентября 1868 года и погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ,—а въ 1870 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, я имѣлъ несчастіе похоронить тамъ-же и дочь ея Вѣру, мою жену.

А. Н. Матвѣевъ.